

Гарде и Каберне Рассказы

Павел Булкин

Павел Булкин
Гарде и Каберне. Рассказы

«Автор»

2026

Булкин П.

Гарде и Каберне. Рассказы / П. Булкин — «Автор», 2026

Что общего у музея в Сан-Паулу, ночной биржевой сделки на Диком Западе, автономного самолёта, школьного доклада, первой кириллической записи на Руси, пустынной фрески, салона красоты и экскурсии по Смоленску? В мире Павла Булкина — больше, чем кажется. В каждом из восьми рассказов реальность делает шаг в сторону, а рядом оказывается тот, кто умеет задавать неудобные вопросы: иногда учтиво, иногда язвительно, иногда с совершенно собачьим интересом к еде. Это сборник о памяти, выборе, подлинности и маленьких чудесах, которые случаются не там, где их не ждут. Для читателей, которые любят фантастику без грома и молний, юмор без пустоты и истории, где за смешным прячется важное.

© Булкин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гарде и Каберне	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гарде и Каберне. Рассказы

Гарде и Каберне

Сан-Паулу не умеет плакать тихо.

Когда в январе приходят дожди, город сдаётся сразу — без предупреждения, без тех вежливых прелюдий из серых облаков, к которым привыкли в других частях света. Здесь небо просто обрушивается. Одним махом, точно кто-то опрокинул океан на двенадцать миллионов голов. Вода бьёт по крышам небоскрёбов, захлёбывается в водосточных трубах, превращает улицы в мутные реки, которые несут с собой пластиковые стаканчики, обёртки от мороженого пиколе и чьи-то потерянные надежды добраться до дома вовремя.

К семи вечера Авенида Паулиста — главный хребет города, его бетонный позвоночник — уже утонула. Фонари горели размытыми пятнами в пелене ливня, словно далёкие маяки. Автобусы ползли по проспекту, как раненые животные, разгребая бамперами воду. Из-за их окон смотрели десятки лиц — одинаково усталых, одинаково смирившихся. Час пик в сезон дождей — это особый круг ада, который Данте не описал только потому, что никогда не бывал в Бразилии.

Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопными газами и чем-то сладковатым — то ли жасмином с чьего-то балкона, то ли жжёным сахаром из палатки, где ещё полчаса назад торговали попкорном. Теперь палатка стояла пустая, с хлопающим на ветру тентом.

Девушка бежала.

Не так, как бегают по утрам жители кондоминиумов Жардинс — в дорогих кроссовках, с наушниками, с выверенным ритмом дыхания. Она бежала так, как бегают люди, которых застала стихия: неуклюже, отчаянно, прижимая к груди сумку, перепрыгивая через потоки воды и проигрывая каждому из них. Кроссовки хлюпали. Джинсы потемнели до колен, потом до бёдер, потом стало всё равно. Волосы — длинные, тёмные — прилипли к лицу и шее, и она не убирала их, потому что обе руки были заняты: одна прижимала сумку, другая пыталась удержать равновесие на скользкой плитке тротуара.

Где-то сзади раскатился гром — низкий, утробный, такой, от которого вибрирует грудная клетка. Вспышка молнии высветила силуэты деревьев на разделительной полосе, на мгновение превратив их в скрюченные человеческие фигуры.

Она увидела здание.

Вернее — она увидела пустоту. Огромный прямоугольник сухого пространства, парящий над землёй. MASP стоял над Авенидой Паулиста, как портал в другое измерение: колоссальная бетонная коробка, поднятая на четырёх красных опорах, — и под ней, между этими опорами, было сухо. Не совсем сухо — ветер заносил брызги, по краям собирались лужи, — но это была крыша. Это было укрытие.

Она влетела под бетонный козырёк и остановилась, упёршись ладонями в колени. Дыхание вырывалось рваными толчками. Сердце колотилось так, будто пыталось выбраться наружу. Несколько секунд она просто стояла, глядя на стену дождя в полуметре от себя — сплошную, почти непрозрачную, подсвеченную рыжим светом фонарей.

Отдышавшись, она выпрямилась и полезла в сумку.

Смартфон. Мокрый. Экран мигнул — тускло, болезненно — и погас. Она нажала кнопку ещё раз. И ещё. Чёрное зеркало отразило её лицо: мокрое, бледное, с тёмными полукружьями под глазами.

— Merda, — сказала она тихо.

Без телефона — ни такси, ни карты, ни номера, по которому можно позвонить. Она огляделась. Под зданием было почти пусто: несколько человек жались к опорам, пара скейтеров сидели на корточках, глядя на ливень с тем философским спокойствием, которое бывает только у людей, которым совершенно некуда спешить.

Она подняла голову.

Над широкой лестницей, ведущей наверх, светились красные буквы: MASP. Музей искусств Сан-Паулу. За стеклянными дверями наверху горел мягкий, тёплый свет — жёлтый, ровный, спокойный. Свет, который обещал сухой пол, кондиционированный воздух и, может быть — может быть — розетку.

Она посмотрела на дождь. Потом на лестницу. Потом снова на дождь.

Ливень и не думал заканчиваться. Наоборот — казалось, он только набирал силу, словно кто-то там, наверху, проверял, сколько ещё может выдержать этот город.

Она перекинула сумку через плечо, убрала мокрые волосы за уши и начала подниматься по ступеням.

Стеклянные двери разъехались перед ней бесшумно, впуская внутрь, — и за её спиной остался город, дождь и всё, что она знала о своей жизни до этого вечера.

Хотя последнего она пока не понимала.

Внутри было тихо.

Не просто тихо — а тихо так, как бывает только в местах, которые построены для тишины. Ливень, секунду назад бивший в уши сплошным белым шумом, остался за стеклом — приглушённый, далёкий, почти нереальный, словно кто-то убавил громкость мира до минимума. Стеклянные двери закрылись за спиной, и Мариса почувствовала, как воздух изменился: сухой, прохладный, с едва уловимым запахом дерева и чего-то ещё — может быть, старой бумаги, может быть, масляной краски, может быть, того особенного ничего, которым пахнут музеи.

Она стояла на входе, оставляя на светлом полу мокрые следы, и чувствовала себя так, будто вломилась в чужой дом. Вода стекала с джинсов, с кончиков волос, с ремешка сумки — тонкими ручейками, образуя вокруг неё маленькую лужу. Она посмотрела на свои кроссовки — каждый шаг издавал тот отвратительный чавкающий звук, который в тишине музея казался неприлично громким.

Пространство вокруг было просторным — высокие потолки, мягкий рассеянный свет, ощущение воздуха и геометрии. Впереди угадывался вход в первый зал. Где-то в глубине здания что-то негромко гудело — вентиляция, наверное. И больше ничего. Ни голосов, ни шагов, ни музыки. Только тихий, ровный покой, от которого Марисе стало почти неловко за собственное мокрое, взъерошенное, загнанное существование.

— Voá noite!

Мариса вздрогнула.

Из-за стойки, которую она не сразу заметила, вышла девушка — примерно её возраста, невысокая, с короткой стрижкой и широкой, совершенно искренней улыбкой, которая казалась чуть ли не противоестественной для восьми часов вечера в пустом музее. На ней была форменная футболка с логотипом MASP и бейдж с именем — Летисия.

— Вы промокли! — сказала Летисия таким тоном, будто сообщала радостную новость. — Хотите полотенце? У нас есть бумажные.

Она уже протягивала пачку, не дожидаясь ответа. Мариса взяла — машинально, не совсем понимая, почему работник музея так радуется появлению мокрой, жалкой незнакомки за час до закрытия.

— Obrigada, — пробормотала Мариса, промокая лицо и шею. — Я просто... мне нужно переждать дождь. Я найду, постою немного и...

— Вы пришли на выставку? — перебила Летисия, и глаза её блеснули.

— Нет, нет, я... — Мариса покачала головой. — Не знаю, я вообще не... Мне бы только... У вас нет розетки где-нибудь? Телефон сел.

— Есть, есть, конечно. Внутри найдёте, — Летисия махнула рукой в сторону залов. — Но раз уж вы здесь — посмотрите выставку! — Вы наш последний посетитель в последний день выставки.

— Спасибо, но я правда ничего не понимаю в искусстве, — Мариса выдавила улыбку — вежливую, извиняющуюся. — Я просто постою, обсохну и...

— Сегодня вход бесплатный, — сказала Летисия.

Она произнесла это так, как произносят последний аргумент — спокойно, почти мимоходом, зная, что он сработает.

Мариса помедлила. Посмотрела в сторону стеклянных дверей — за ними ливень стоял стеной, плотный, безнадёжный, без единого намёка на то, что собирается заканчиваться. Потом посмотрела в сторону залов — тёплый свет, сухой пол, обещание розетки.

— Ладно, — сказала она. — Посмотрю. Но я правда ничего в этом не понимаю.

— Это совершенно не обязательно, — ответила Летисия и снова улыбнулась — так, будто Мариса только что сказала именно то, что от неё ждали.

Летисия вышла из-за стойки и указала куда-то вправо. Мариса проследила за её рукой.

На стене висели часы. Обычные, круглые, с белым циферблатом и тонкими чёрными стрелками. Без пятнадцати девять. Нет — Мариса пригляделась — без двух минут девять.

— Ровно в девять начинается экскурсия, — сказала Летисия. — Каждый час. Придёт экскурсовод, проведёт вас по залам. Вам вообще ни о чём не нужно думать — просто идите за ним.

Мариса моргнула.

— Экскурсия? — Она оглянулась — на пустой вестибюль, на пустую стойку, на пустые кресла вдоль стены. — Но... тут же никого нет. Кроме меня.

— И это прекрасно, — сказала Летисия невозмутимо. — Персональная экскурсия. Вам повезло.

— Но...

— Всё будет хорошо, — Летисия произнесла это мягко, но с той странной окончательностью, которая не оставляет места для вопросов. — Подождите здесь. Две минуты.

И она ушла.

Просто развернулась и пошла — обратно за стойку, потом куда-то вглубь, за угол, — и через несколько секунд её шаги стихли, и Мариса осталась одна.

Совсем одна.

Она стояла перед входом в первый зал и слушала тишину. За стеклом шумел дождь — далёкий, как воспоминание. Вентиляция гудела — ровно, монотонно. Больше ничего.

Мариса заглянула в зал.

Просторное помещение, залитое мягким светом. Картины — или что это было — стояли на стеклянных подставках посреди пространства, не на стенах, а будто парили в воздухе, как развешенное бельё. Она читала где-то, что это фишка MASP — прозрачные мольберты. Но сейчас, в пустом зале, без единого человека, они выглядели иначе. Как окна. Или как двери, которые забыли закрыть.

Никого.

Ни посетителей, ни зрителей, ни охранников. Никого.

Мариса отступила назад и посмотрела на часы.

Секундная стрелка ползла по нижней дуге циферблата — медленно, деловито, равнодушно. Прошла шестёрку. Семёрку. Двинулась вверх — мимо восьмёрки, мимо девятки, — и Мариса поймала себя на том, что не может отвести взгляд. Что-то в этом ритме — мерном,

неумолимом — было гипнотическим. Стрелка прошла десятку. Одиннадцать. Подбиралась к двенадцати.

Мариса замерла. Перестала дышать.

Пять секунд. Четыре. Три.

Стрелка коснулась двенадцати.

Девять ноль-ноль.

— Добро пожаловать на выставку.

Голос раздался прямо за её шеей. Так близко, что она почувствовала движение воздуха — лёгкий, тёплый выдох — на мокрой коже, чуть ниже затылка.

Мариса вздрогнула — всем телом, от позвоночника до кончиков пальцев — и обернулась.

Перед ней стоял корги.

Собака. Вельш-корги-пемброк. На задних лапах. Ростом ей примерно по пояс. В жилете — классическом, английском, из тёмно-серого твида с тонкой полоской, — в аккуратно завязанной бабочке в мелкий горох и в очках с чёрной прямоугольной оправой, которые сидели на его широкой лисьей морде с таким достоинством, словно он родился в них.

Он смотрел на неё снизу вверх — внимательно, спокойно, с выражением вежливого профессионального терпения.

Мариса не закричала. Не отпрыгнула. Не сделала вообще ничего из того, что, по логике, должен сделать человек, увидевший перед собой собаку в очках и бабочке, стоящую на задних лапах.

Она просто онемела.

Рот открылся, закрылся, открылся снова.

— Я... — сказала Мариса.

Корги чуть наклонил голову набок. Одно ухо дёрнулось.

Он ждал.

— Я... — повторила Мариса.

— ...запрыгнули в последний вагон, — закончил за неё корги.

Голос у него был приятный — глуховатый, спокойный, с той чуть насмешливой интонацией, которая бывает у людей, привыкших говорить перед аудиторией. У людей. У собак. У... Мариса моргнула. Корги поправил очки передней лапой — коротким, невозможно человеческим жестом — и кивнул.

— Ну ладно. Пойдёмте.

Он развернулся и пошёл — неторопливо, деловито, цокая когтями по полу. Хвостик — короткий, пушистый, нелепый — слегка покачивался из стороны в сторону.

Мариса стояла. Рот её по-прежнему был приоткрыт. Палец по-прежнему указывал на вход в первый зал — тот самый, со стеклянными мольбертами, который она видела минуту назад.

Корги остановился у другой двери — левее, меньше, незаметнее — и обернулся через плечо. Через твидовое плечо.

— Это постоянная экспозиция, — сказал он, кивнув в сторону, куда указывала Мариса. В его тоне была мягкая снисходительность преподавателя, объясняющего первокурснику разницу между аудиториями. — Нам сюда.

И Мариса пошла за ним.

Она не могла бы объяснить почему. Может быть, потому что ноги понесли сами. Может быть, потому что мозг, столкнувшись с говорящей собакой в жилете, просто отключил критическое мышление и перешёл в режим наблюдателя. А может быть — и эта мысль была самой пугающей — потому что всё происходящее казалось совершенно естественным. Как во сне, который знаешь, что сон, но не хочешь просыпаться.

Над дверью, в которую они вошли, висела вывеска. Строгий шрифт, белые буквы на тёмном фоне:

GARDE E CABERNET

Мариса не успела подумать, что это значит, — потому что зал, открывшийся перед ней, забрал все мысли разом.

Он был разделён пополам. Не условно, не метафорически — буквально. Ровная, безупречная линия рассекала пространство надвое: левая сторона была чёрной — стены, потолок, всё, — а правая сияла белизной, чистой, молочной, почти слепящей. Переход был мгновенным, без полутонов, без градиента, словно кто-то разрезал мир бритвой. А пол — пол был выложен чёрно-белыми клетками. Крупными, идеально ровными, уходящими от их ног вглубь зала и чуть дальше, туда, где в центре стояло что-то — Мариса не разглядела что, потому что корги остановился и повернулся к ней.

— Какая часть зала вам больше нравится? — спросил он.

Мариса смотрела на него. На бабочку в мелкий горох. На очки. На короткие лапы, которые каким-то образом удерживали его вертикально. На карие, блестящие, абсолютно серьёзные глаза за стёклами.

Потом она увидела розетку.

— Белая! — воскликнула Мариса и бросилась к правой стене.

Она присела на корточки, расстегнула сумку, выдернула зарядку и воткнула штекер в розетку трясущимися пальцами. Подключила телефон. В голове пульсировала одна-единственная мысль — яркая, горячая, чёткая, как неоновая вывеска: зарядить этот чёртов телефон и сфотографировать говорящего корги. Один снимок. Одно видео. Десять секунд — и у неё будет доказательство. Доказательство чего — она не знала. Но оно ей было нужно. Как воздух, как зонт, как такси, которое она так и не вызвала.

Экран не загорелся.

Мариса нажала кнопку. Ещё раз. Ещё. Вытащила штекер, подула на разъём, вставила обратно. Ничего. Чёрный экран. Мёртвый, холодный, бесполезный кусок стекла и металла.

Она посмотрела на розетку. Белая, обычная, с двумя круглыми отверстиями — бразильский стандарт. Вставлена плотно. Всё правильно. Но тока в ней не было. Как будто розетка была декорацией. Как будто она была частью экспоната.

Мариса обернулась.

Корги стоял ровно там, где она его оставила, — на границе чёрного и белого, на стыке двух клеток. Передние лапы сложены перед грудью. Голова чуть наклонена. Он смотрел на неё с выражением, которое она могла бы поклясться было ожиданием. Не удивлением, не сочувствием — именно ожиданием. Как будто он знал, что так и будет. Как будто он видел это уже десятки раз.

Мариса медленно встала. Убрала зарядку обратно в сумку. Зачем-то отряхнула мокрые джинсы — бессмысленный жест, не имевший ни смысла, ни результата.

— Уважаемая... — начал корги.

— Мариса, — сказала она. И зачем-то добавила: — Приятно познакомиться.

Она поздоровалась с собакой. С собакой в очках и бабочке. В пустом музее в девять часов вечера в разгар тропического ливня. Мир окончательно сошёл с ума, и она, кажется, тоже.

Корги слегка кивнул — учтиво, коротко, как кивают англичане при знакомстве.

— Донна Мариса, — произнёс он, и слово «донна» прозвучало из его уст так, будто иначе к женщине обращаться просто нельзя. — Вы знаете, где вы находитесь?

— В музее, — ответила Мариса. В её голосе прозвучала нотка вызова — тонкая, едва заметная, — потому что это был единственный факт, в котором она ещё была уверена.

— В музее, — повторил корги, и его интонация изменилась — стала глубже, весомее, как у лектора, который произносит первую фразу перед полной аудиторией. — *Museu. Mouseion*. Знаете, что это значит? Не «хранилище картин». Не «место, куда ходят по воскресеньям, потому что нечем заняться». *Mouseion* — это Храм Муз. Храм, донна Мариса. Место, где обитают Музы. Девять дочерей Зевса и Мнемозины — богини памяти, прошу заметить. Не красоты, не мудрости — памяти. Это важно, и мы к этому вернёмся.

Он сделал паузу. Снял очки, протёр их краем жилета — как самый обычный профессор из самого обычного университета — и надел обратно.

— Когда вы входите в музей, вы не просто входите в здание. Вы входите в пространство, где время работает иначе. Где предметы значат больше, чем они есть. Где вещи говорят.

Он посмотрел на Марису поверх очков.

— Иногда — буквально.

Мариса машинально опустила руку в сумку и нажала кнопку смартфона. Ничего. Экран был мёртв. В розетке не было тока. Телефон не подавал признаков жизни — ни вибрации, ни свечения, ни даже того жалкого мерцания, которое он выдал под дождём. Он был мёртв окончательно, бесповоротно, будто никогда и не был живым.

Мариса вытащила руку из сумки. Посмотрела на корги. Потом — впервые — по-настоящему посмотрела вглубь зала.

В центре, на пересечении чёрных и белых клеток, на невысоком постаменте стояла статуя. Мужчина — бородатый, истощённый, полуобнажённый — сидел, скрестив ноги, и смотрел куда-то перед собой с выражением такого абсолютного, яростного спокойствия, что Мариса почувствовала необъяснимое желание отвести взгляд.

Корги подошёл к постаменту. Остановился рядом. Поправил бабочку.

— Диоген Синопский, — сказал он. — Человек, которому не нужен был смартфон.

Он помолчал, глядя на статую снизу вверх, и добавил — тише, почти про себя:

— Впрочем, ему вообще мало что было нужно.

Мариса подошла ближе. Её мокрые кроссовки чавкнули на чёрно-белом полу — звук, неуместный и громкий, как кашель в церкви.

Они стояли вдвоём перед Диогеном — девушка в мокрых джинсах и собака в жилете — и дождь за стенами музея лил так, будто не собирался заканчиваться никогда.

— Знаете, чем он прославился?

Корги кивнул на статую. Диоген смотрел перед собой — каменный, безразличный, вечный.

На лице Марисы появилась улыбка. Первая за этот вечер — осторожная, неровная, как свет, пробивающийся сквозь щель в двери.

— Он говорил...

— Ну? — корги чуть подался вперёд.

— Он говорил, что он собака, — ответила Мариса и прижала ладонь ко рту, но смех уже вырвался — короткий, нервный, немного истеричный, — и зазвенел под высоким потолком чёрно-белого зала, отражаясь от стен и рассыпаясь по клетчатому полу.

Корги не обиделся. Корги, кажется, обрадовался.

— Именно! — он поднял переднюю лапу с таким энтузиазмом, будто студентка только что правильно ответила на экзаменационный вопрос. — Кинос. По-гречески — пёс. Киник — тот, кто живёт как собака. Ест когда голоден, спит когда устал, говорит что думает и не притворяется тем, кем не является. Вот он, — лапа указала на статую, — отказался от дома, от имущества, от положения в обществе. Жил в бочке. В глиняном пифосе, если быть точным, но бочка звучит драматичнее. Александр Македонский — величайший завоеватель своего вре-

мени, повелитель половины мира — пришёл к нему и спросил: «Чего ты хочешь? Проси что угодно». Знаете, что ответил Диоген?

— Отойди, ты загораживаешь мне солнце, — сказала Мариса.

— А вы не так уж мало знаете, донна Мариса, — корги посмотрел на неё с тем выражением, которое у собак обычно означает одобрение, но у этой конкретной собаки означало что-то большее. — Человек, которому принадлежал мир, стоял перед человеком, которому не принадлежало ничего. И тот, у кого ничего не было, оказался свободнее.

Он помолчал. Потом повернулся к Марисе — всем корпусом, как поворачиваются, когда собираются задать важный вопрос.

— А вот вы, например, кто?

— Я Мариса, — сказала она. И тут же подумала, что уже говорила это. Зачем-то улыбнулась снова — виновато, как на собеседовании.

— Это ваше имя, — сказал корги терпеливо. — А кто тот, кого зовут Марисой?

Мариса открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Ну... — она пожала плечами, и с них скатились последние капли дождевой воды. — Ну я. Учитель физкультуры.

— Это ваша профессия, — сказал корги. Голос его был мягким, но в нём появилась та особая нота — настойчивая, тихая, похожая на звук, с которым стрелка компаса возвращается к северу. — Но не вы сами. Мариса — это имя, которое вам дали родители. Учитель физкультуры — это то, за что вам платят деньги. Но ни имя, ни работа — это не вы. Уберите имя — вы останетесь. Уберите профессию — вы никуда не денетесь. Так кто же вы?

Мариса молчала.

Вопрос был простым. Три слова. «Кто же вы». Ребёнок мог бы его задать. Но он упал в тишину пустого зала и остался лежать — тяжёлый, как камень, брошенный в воду, от которого расходятся круги.

Она смотрела на Диогена. Диоген смотрел сквозь неё. Чёрно-белые клетки расходились от её ног во все стороны, как шахматная доска, на которой она была единственной фигурой и не знала ни своего цвета, ни своего хода.

Кто я?

Мариса открыла рот — и ничего не сказала.

Пока она думала, что-то изменилось. Что-то в воздухе рядом с ней сместилось — едва заметно, на полградуса. Она скосила глаза вниз.

Корги стоял неприлично близко к её сумке. Нос — чёрный, влажный, блестящий — двигался мелкими, быстрыми рывками. Ноздри раздувались. Очки сползли на кончик морды. Жилет, бабочка, профессорские манеры — всё это на мгновение исчезло, и осталась просто собака, которая что-то учуяла.

— У вас сэндвичи, да? — спросил корги.

Он даже не пытался скрыть интерес. Хвостик, короткий и пушистый, дрогнул — один раз, быстро, — и замер, как будто его поймали на чём-то неприличном.

Мариса посмотрела на него. На очки, съехавшие набок. На нос, который всё ещё подрагивал. На передние лапы, которые секунду назад были сложены с профессорским достоинством, а теперь слегка переминались, как у щенка перед миской.

— Да, — сказала она.

— Очень хорошо, — корги выпрямился, поправил очки и вернул себе невозмутимость — быстро, почти мгновенно, как актёр, вспомнивший, что он на сцене. Но кончик хвоста всё ещё подрагивал, и Мариса это видела.

— Пойдёмте, донна Мариса, — он двинулся к выходу из зала — к узкому проёму в дальней стене, за которым угадывалось новое пространство, новый свет, новый воздух. — Может быть, в следующем зале мы разберёмся, кто же вы такая.

Мариса бросила последний взгляд на Диогена. Ей показалось — показалось, конечно, не более, — что каменное лицо философа слегка улыбается. Тень. Игра света. Ничего больше.

Она пошла за корги.

Вопрос остался за ней — невидимый, невесомый, привязанный к ней, как тень к подошвам мокрых кроссовок.

Кто я?

Второй зал был другим.

Если первый зал разрезал мир на чёрное и белое, на «да» и «нет», на «всё» и «ничего», — то этот зал его одевал.

Ткани. Десятки, сотни тканей — развешенных, разложенных, задрапированных, натянутых на невидимые формы, струящихся с потолка, сложенных в геометрические конструкции, которые балансировали на границе между скульптурой и платьем. Шёлк, бархат, хлопок, что-то грубое и рогожное, что-то невесомое и прозрачное, как утренний туман. Цвета — наконец-то цвета — ударили по глазам после чёрно-белого аскетизма предыдущего зала: алый, индиго, золотой, изумрудный, пыльно-розовый, и оттенки, которым Мариса не знала названий.

Над входом, крупными буквами, выложенными из булавок — сотен булавок, впечатанных в стену, — было написано:

MODA

Мариса остановилась на пороге. Корги прошёл вперёд — деловито, привычно, как человек, входящий в собственный кабинет, — и обернулся, поджидая.

— Мода? — сказала Мариса. — Это искусство?

Корги поправил бабочку.

— Это, — сказал он, — первый ответ человечества на вопрос, который я вам только что задал.

Корги шёл вдоль первого ряда экспонатов — медленно, заложив передние лапы за спину, как профессор, прогуливающийся между рядами парт. Твидовый жилет чуть морщился на его спине при каждом шаге. Мариса шла рядом, и мокрые кроссовки больше не чавкали — то ли подсохли, то ли она перестала замечать.

— Знаете, донна Мариса, — сказал корги, не оборачиваясь, — люди думают, что одежда — это про тепло. Или про приличия. Мол, нельзя же голым ходить, засмеют. — Он остановился у манекена, затянутого в платье такого глубокого синего цвета, что оно казалось вырезанным из ночного неба. — Но это неправда. Одежда — это язык. Первый язык, который видят другие, прежде чем вы откроете рот. То, что вы носите, говорит о вас больше, чем ваши слова.

Он повернулся к Марисе и посмотрел на неё — сверху вниз по джинсам, по мокрой футболке, по кроссовкам — быстро, профессионально, без осуждения. Потом его взгляд скользнул на сумку.

— Вот, например. Вы — учитель физкультуры. Хорошо. Но эта сумка говорит о вас больше, чем вы думаете.

Мариса машинально прижала сумку к боку.

— Что не так с моей сумкой?

— Всё так, — сказал корги. — В том-то и дело.

Он смотрел на сумку. Глаза за стёклами очков чуть сузились. Ноздри дрогнули — едва заметно, почти незаметно, — и на мгновение, на одну крохотную долю секунды, его взгляд потерял фокус, и Мариса увидела, как он уходит куда-то внутрь себя, в то место, где нет ни жилета, ни бабочки, ни лекций об искусстве, а есть только запах — тёплый, солоноватый, обёрнутый в фольгу, спрятанный в боковом кармане, — запах сэндвичей.

Корги моргнул. Кончик носа дёрнулся. Он отвернулся от сумки — резко, почти сердито, как человек, оттаскивающий себя от витрины кондитерской.

— Ну так вот, — сказал он чуть громче, чем нужно. — То, что вы надеваете утром, стоя перед шкафом, — это выбор. И этот выбор может быть способом сказать миру, кто вы на самом деле.

Он двинулся дальше, вдоль ряда манекенов — мимо льняного платья, мимо костюма-тройки из верблюжьей шерсти, мимо чего-то невероятного, расшитого золотыми нитями, что выглядело так, будто его носила сама Клеопатра, — и Мариса шла за ним, переводя взгляд с одного экспоната на другой, чувствуя себя странно маленькой среди всех этих тканей, форм и цветов.

— А можете обмануть, — добавил корги, и голос его стал тише, задумчивее. — Надеть то, чем вы не являетесь. Стать кем-то другим. Спрятаться.

Они свернули в дальнюю часть зала — и Мариса почувствовала, как воздух изменился. Стало темнее. Ткани здесь были другие — тяжёлые, плотные, непроницаемые. Кожа. Чёрная, матовая, тугая, как кожа хищника. Корсеты — жёсткие, с рёбрами из металлических пластин, которые выглядели так, будто были созданы не для красоты, а для защиты, — висели на стойках, как доспехи в рыцарском зале. Рядом — плащи. Длинные, до самого пола, однотонные, чёрные, с глухими воротниками и прямыми линиями, которые не допускали ни складки, ни вольности. Мариса видела такие в кино — в «Матрице», в тех сценах, где герои шли по коридорам в замедленной съёмке, и полы плащей развевались за ними, как крылья.

— Похоже на броню, вам не кажется? — сказал корги. Он остановился перед одним из плащей и смотрел на него снизу вверх — маленький, пушистый, в бабочке, — и в этом контрасте было что-то одновременно комичное и грустное. — Люди, которые носят такое, не украшают себя. Они закрываются. Кожа, заклёпки, чёрный цвет — это не стиль. Это стена. Послание миру: не подходи.

Мариса фыркнула.

— Я бы такое никогда не надела.

— Правда? — корги повернулся к ней. За очками мелькнуло что-то — не насмешка, нет, — скорее тень вопроса, который он решил не задавать. — Ну ладно.

Он пошёл дальше. Мариса двинулась следом — мимо последних манекенов, мимо стоек с обувью, мимо перчаток, вееров, шляп, — зал сужался, свет становился мягче, приглушённое, и она чувствовала, что они приближаются к концу. Пространство закруглялось, собиралось, как финальный аккорд, — и прямо у выхода, на невысоком белом постаменте, под стеклянным куполом, отдельно от всего, как драгоценность, стоял последний экспонат.

Мариса остановилась.

Моргнула.

Под стеклом сидела игрушка. Маленькая, с большой головой, с капризно оттопыренной нижней губой и хитрыми, чуть сонными глазами. В крошечном дизайнерском комбинезоне. С биркой.

Лабубу.

Мариса знала, что это. Конечно, знала — весь интернет был забит этими существами. Девочки из её школы вешали их на рюкзаки. Блогеры распаковывали их в сторис, визжа от восторга. Коллекционеры перепродавали их за безумные деньги. Но здесь? В музее? Под стеклом? Рядом с корсетами и шёлком?

— Что это? — Мариса повернулась к корги. — Почему это в зале моды?

Корги стоял чуть поодаль. Он смотрел на Лабубу — долго, неподвижно, с выражением, которое Мариса не могла прочитать. Не презрение. Не восхищение. Что-то другое. Что-то похожее на усталость хирурга, который видит одну и ту же болезнь слишком часто.

— А это... — он начал и не закончил. Снял очки, протёр их, надел обратно. Посмотрел на Лабубу ещё раз — коротко, как смотрят на часы, когда не хотят знать, сколько времени. — Это конец зала моды.

Он произнёс это так, что Мариса не поняла — то ли он имел в виду, что экспонат расположен в конце зала, то ли что мода на этом заканчивается. Что-то в его тоне подсказывало, что, возможно, и то, и другое.

— Пойдёмте, — сказал корги и двинулся к выходу. Чуть быстрее, чем обычно. — Дальше зал... зал изобразительного искусства.

Он запнулся. Впервые за весь вечер — запнулся. Как будто следующее слово было тяжелее предыдущих. Как будто то, что ждало за дверью, требовало от него чего-то большего.

Мариса оглянулась на Лабубу. Игрушка сидела под стеклом — маленькая, безобидная, с нелепой надутой мордочкой — и молчала. Но у Марисы осталось странное ощущение, что она только что увидела что-то важное. Что-то, чего корги не захотел объяснять.

Она пошла за ним.

Зал изобразительного искусства был огромен.

Потолки уходили вверх и терялись в мягком, рассеянном свете — таком ровном, что невозможно было понять, откуда он идёт. Картины здесь стояли на тех самых стеклянных мольбертах, которые Мариса видела раньше из вестибюля, — прозрачные подставки, парящие над полом, и каждое полотно висело в воздухе, ни к чему не прислонённое, ничем не подпертое, как будто картины существовали сами по себе, отдельно от стен, от пола, от всего. Можно было обойти любую из них и увидеть обратную сторону — грубый холст, деревянные планки подрамника, следы чужих рук.

Их было много. Десятки. Мариса шла мимо них, и они мелькали как окна поезда — лица, пейзажи, пятна цвета, фигуры, руки, небо, — и она не задерживалась ни у одной, потому что не знала, у какой задержаться. Не знала, куда смотреть, что искать, что чувствовать. Она была туристом в чужой стране без карты и без языка.

Корги шёл рядом — молча, терпеливо, не торопя. Лапы цокали по полу. Хвост не двигался. Он ждал.

— А у вас есть любимая картина? — спросила Мариса.

Она спросила это просто так — чтобы заполнить тишину, чтобы не чувствовать себя такой потерянной, — но эффект был такой, будто она нажала на кнопку, которую искала всю жизнь.

Корги остановился.

Повернулся к ней. Очки блеснули. Уши — оба разом — встали торчком, и что-то произошло с его лицом. С мордой. С чем бы это ни было. Оно ожило. За секунду до этого перед ней стоял сдержанный, чуть ироничный лектор, а теперь — теперь перед ней стоял кто-то, кого позвали по имени.

— Есть, — сказал он. И голос его изменился — стал теплее, мягче, на полтона ниже. — Пойдёмте.

Он рванул вперёд — не пошёл, а именно рванул, — и Мариса впервые увидела его настоящую скорость. Короткие лапы замелькали так быстро, что стали почти невидимы, жилет развевался на спине, бабочка съехала набок, и он нёсся между стеклянными мольбертами — ловко, привычно, не задевая ни один, — как маленький твидовый болид. Мариса побежала за ним — и снова чавкнули кроссовки, и снова звук раскатился по пустому залу, но ей уже было всё равно.

Корги затормозил — резко, всеми четырьмя лапами — перед одним из мольбертов. Сел. Задрал голову. И замер.

Мариса подошла, тяжело дыша, и посмотрела на картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.